

DOI 10.15393/j9.art.2017.4521

УДК 821.161.1.09“18”

Елена Алексеевна Федорова

*Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова,
Рыбинский государственный
историко-архитектурный и художественный музей
(Ярославль, Рыбинск, Российская Федерация)*

sole11@yandex.ru

ПРОБЛЕМА ВЫБОРА В СЮЖЕТЕ РАССКАЗА Е. Н. ОПОЧИНИНА «БРАТЬЯ»

Аннотация. Статья посвящена анализу проблематики, сюжетных мотивов и литературных типов рассказа Е. Н. Опочинина «Братья» (1898). Евгений Николаевич Опочинин (1858–1928) — писатель, археограф, коллекционер, редактор и сотрудник газеты «Правительственный вестник», автор воспоминаний и дневниковых записей о Ф. М. Достоевском, А. Н. Майкове, Я. П. Полонском и др. известных современниках. В своих произведениях Опочинин создал различные типы русского человека: старообрядец, охотник, художник, юродивый и т. д. В рассказе «Братья» показан герой-старообрядец, который пытается порвать со своей средой. В произведении Опочинина обнаруживаются общие сюжетные мотивы с романом Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы»: соперничество между братьями, бунт против родных из-за женщины, духовный кризис героев. После бунта Михаил Выжигин, герой Опочинина, возвращается в свою среду и становится самым ярким «фанатиком» среди старообрядцев. Сравнительно-типологический и структурный методы позволяют раскрыть специфику литературного типа, созданного Опочининым. Как Дмитрий Карамазов и Миколка-красильщик («Преступление и наказание»), герой Опочинина жаждет искупить свою вину страданием, жаждет духовного света, но, в отличие от героев Достоевского, он выбирает безблагодатный путь, безрадостный, не соборный, движимый страхом Божиим, а не любовью. Средством раскрытия внутреннего мира героя становятся его эсхатологические духовные видения. Кроме того, писатель использует характерологический и сюжетный парадокс. Михаил Выжигин хочет обрести Истину, но оказывается обманут своим окружением.

Ключевые слова: Е. Н. Опочинин, «Братья», Ф. М. Достоевский, сюжет, мотив, парадокс, литературный тип, эсхатологические видения, «Хождение Феодоры по воздушным мытарствам»

Евгений Николаевич Опочинин (1858–1928) — литератор, археограф, мемуарист, историк театра, собиратель фольклора и русских древностей, директор библиотеки Общества любителей древней письменности, редактор и сотрудник газеты

«Правительственный вестник» — мало известен современному читателю, его литературное и культурное наследие почти не исследовано (см. основные работы: [6]; [8]; [9]; [13]). В творчестве Е. Н. Опочинина можно выделить два главных периода: петербургский (1879–1890) и московский (1891–1928).

Литературное наследие Опочинина достаточно обширно, оно включает исторические авантюрные романы («На пути к короне», «В новой столице», «Приволжские дьяволы»), исторические повести, рассказы и очерки («Царь и подьячий», «Опальный воевода», «Из прошлого», «Гиблая»), охотничьи и бытовые рассказы (сборник «Лес и поле. Охота»), пасхальные и рождественские рассказы («Рождественское богомолье воеводы», «Чудесная сила», «Ближний боярин и скomorохи», «Чудесный сон», «Полночный звон», «При Иване Грозном», «В прощенные дни»), рассказы и очерки о Волге («У костра», «На Шексне», «Петров день»), рассказы о старообрядцах («Змий», «Братья»), повести и рассказы для детей («Одни в старом доме», «Капитан Каплюшкин», «Сиротка»).

В центре произведений писателя — русский человек. Опочинина интересуют различные типы: святые («Светлая утренняя голодных»), юродивые («В городишке»), изобретатели («Бесовский летатель»), певцы и художники («Певец Феошка», «Беднячок», «Царские писанки»), ночлежники («У костра»), охотники («Жмырь и корноухий», «Петров день», «На Шексне», «Зайцы», «У стогов») и др. В произведениях Опочинина на обширном историческом и социальном материале (часто это ярославские, петербургские и московские реалии) поднимаются нравственные проблемы.

Значительным событием в жизни Е. Н. Опочинина стало знакомство с Федором Михайловичем Достоевским, который во многом определил интерес начинающего писателя к познанию человека и духовно-нравственным проблемам. Встреча произошла зимой 1879 года, в тот период, когда Достоевский работал над романом «Братья Карамазовы». Напряженные размышления великого писателя над судьбами русского общества захватили и начинающего литератора. Каждый раз после возвращения домой Опочинин записывал состоявшуюся беседу с Достоевским в свой дневник, стараясь сохранить не

только мысли, но и особенности речи писателя. «Мои беседы с Достоевским» из записной книжки Опочинина 1879–1880 гг. в настоящее время хранятся в Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ. Ф. 361. Оп. 1. Ед. хр. 6), бóльшая часть из них была опубликована Ю. Н. Верховским и М. М. Одесской [2]; [11].

В беседах с Опочининым Достоевский много внимания уделял размышлениям о «восстановлении погибшего человека» (в предисловии к публикации перевода романа В. Гюго «Собор Парижской Богоматери» в журнале «Время» за 1862 г. Достоевский называл это главной задачей литературы). Важным этапом «восстановления» он считал покаяние как искупление греха, поэтому Достоевский прочитал Опочинину легенду о монахе, впавшем в блуд. Эта легенда входит в «Письма Святогорца» иеросхимонаха Сергия Веснина (Афонская Гора, 1844). По признанию Достоевского, ему выписал ее «один старообрядец знакомый»¹. В этом произведении содержится несколько сюжетных мотивов: искушение, падение мысленное, падение действительное, покаяние и «восстановление» человека. Подобные сюжетные мотивы можно обнаружить в романе «Братья Карамазовы» Достоевского.

Сохраненные Опочининым два листа чернового автографа Достоевского — первоначальной наброска сцены между Иваном Карамазовым и Смердяковым из «Братьев Карамазовых» (гл. VI, кн. 5)² — опубликованы впервые Ю. Н. Верховским [2]. Эта рукопись показывает работу писателя над образом Ивана Карамазова, отражает движение мысли героя. Так, в беседе со Смердяковым Иван Карамазов называет возможные мотивы отцеубийства, которое должен совершить его брат: «Потому и братец замыслил убить-с, во-1-х, из ревности, а во 2-х чтоб наследства не лишиться» [2, 478]. В то же время писатель раскрывает внутреннюю борьбу, которая происходит в душе героя: «Все это вздор — не может быть чтоб брат Дмитрий Федорович наверно с предвзятым намерением задумал убить. Если б случился грех, то нечаянно в драке, когда он Грушеньку отнимал бы» [2, 482].

Посещая в Петербурге «пятницы» Я. П. Полонского³, Опочинин беседовал с известным поэтом о последнем романе

Достоевского. Полонский очень высоко оценивал это произведение:

...этот роман его я считаю величайшим произведением. Он весь какой-то особенный, что-то никогда еще не бывалое появилось с ним в нашей литературе <...> тут мы имеем дело с изображением типических сторон духовной жизни целых поколений. Так какой же это роман, уж скорее «Карамазовых» надо было бы назвать поэмой⁴.

Далеко не все так восторженно приняли роман Достоевского «Братья Карамазовы». К. Н. Леонтьев, например, в работе «Наши новые христиане» (1882) обвинил Достоевского в сентиментальном, «розовом» христианстве. Он утверждал, что начало настоящей православной веры «есть страх, а любовь – только плод», что свобода, подаренная человеку, неминуемо приведет его к своеволию и революции [7].

Проблема свободы выбора человека волновала и Опочинина, написавшего рассказы из быта «глаголемых старообрядцев» — «Братья» и «Змий». Попытка опубликовать их в журнале «Исторический вестник» не увенчалась успехом. Редактор журнала С. Н. Шубинский в письме от 7 февраля 1898 года отклонил эти произведения из-за их тематики: «Я прочитал все четыре ваши рассказа, оставленные Вами у меня. Из них я облюбывал два: 1) *Извет* и 2) *Отщепенец* и охотно их напечатаю в “Историческом вестнике”. Что касается рассказов: 1) *Змий* и 2) *Братья*, то я от них отказываюсь. Причины отказа было бы долго излагать; когда-нибудь, при свидании, объяснюсь подробно, а теперь только прошу вас дать мне указания, как поступить с этими рассказами и заменить их другими, но не из раскольников быта»⁵.

Рассказ «Братья» был опубликован в 1898 году в приложении романов к газете «Свет». Страсть к собиранию фольклора, коллекционированию рукописей и кириллических книг дала возможность Опочинину познакомиться со старообрядцами, живущими в Рыбинском и Романовском уезде Ярославской губернии. Старовер как особый тип русского человека чрезвычайно интересовал писателя. Размышляя о духовных исканиях русского человека, Опочинин дополняет галерею образов Достоевского новым типом. В произведении

Опочинина и в романе «Братья Карамазовы» есть общие сюжетные мотивы: соперничество между братьями, бунт против родных из-за женщины, духовный кризис героев. Обнаруживается в рассказе «Братья» и мотив соперничества старцев: как Ферапонт противостоит Зосиме у Достоевского, так у Опочинина старец Паисий соперничает со старцем Пахომием. В обоих произведениях старцы поклоном дают знак героям о страданиях, которые их ожидают. Как Ивану Карамазову, Михаилу Выжигину, герою Опочинина, приходится вступить в напряженную внутреннюю борьбу, которая приводит героя почти к безумию. Наконец, Михаил Выжигин, как и Алеша Карамазов, переживает духовный кризис: он сомневается в вере своих отцов.

Опочинин, размышляя о духовных исканиях русского человека, для «Братьев» взял материал из быта ярославских старообрядцев и показал психологию и особенности духовного мира старовера, для которого эсхатологическое ожидание является определяющим. Н. А. Петухова, комментировавшая рукопись Опочинина «Русские коллекционеры и уцелевшие остатки старины» [10], в Рыбинском архиве нашла материалы о моленных домах филипповцев — старообрядцев поповского направления. Согласно этим документам, на углу Мышкинской и Васильевской улиц Рыбинска была расположена моленная. Она находилась в доме купца Ивана Яковлевича Дегтярева, где собирались раскольники филипповского согласия в дни поминовения братьев и сестер Дегтяревых [12, 38]. Кроме того, Н. А. Петухова разыскала интересную информацию о рыбинских купцах братьях Поповых — возможных прототипах героев рассказа Опочинина. Старший брат, хозяин бумажной фабрики, Александр Алексеевич был почетным гражданином Рыбинска, общался с И. С. Аксаковым в 1849 году, который оставил о нем похвальные воспоминания (он обратил внимание на круг чтения рыбинского купца — журналы «Москвитянин», «Северное обозрение», а также на то, что Попов высоко отзывался о А. С. Хомякове). Умер А. А. Попов в 35-летнем возрасте. Его младший брат, Николай Алексеевич, продал фабрику купцу Выжилову и, замкнувшись в своем доме с женой, занялся ростовщичеством [12, 38]. Предположительно, эти люди стали прототипами героев рассказа Опочинина

«Братья», поскольку писатель, будучи археографом, брал материалы для своих произведений из достоверных источников и достаточно много времени проводил в своем рыбинском имении Максимовское.

Рассказ Опочинина «Братья» открывается описанием дома купцов Выжигиных, которые относятся к раскольникам федосеевского согласия⁶ и отрицают брак и венчание как противоречащие иноческому житию. В молельню при доме собираются федосеевцы по поводу события из ряда вон выходящего: старший брат — Михаил Выжигин — решил жениться. В начале рассказа автор явно симпатизирует своему герою, что выражается в портретной характеристике Выжигина:

Старший из братьев, Михаил, был высокий чернобородый мужик лет сорока, с добродушным лицом, освещенным прекрасными лучистыми глазами⁷.

Герой поднимается на бунт против своего окружения. Причина не только в его желании узаконить отношения с любимой женщиной. Главное, что он не принимает в своей духовной среде, — это разрыв между словом и делом. По этой причине он упрекает младшего брата в грехе прелюбодеяния:

С виду все чинно, уставно, хорошо, а внутри что? Мерзость одна, разврат и бесчинство. Туда же и ты! Иноческое житие! У само-го Марина под боком, ранее Лукерья была, Федотья, да мало ли их! А он — все инок! (11).

Во время службы в молельне Михаил еще более укрепляется в своем желании разрыва с федосеевцами:

Неужели же миллионы ошибаются, а они только, темные, бессмысленные, правы? Нет, не правы они, — уже с уверенностью ответил он себе, — у правых нет ненависти, а эти ненавидят. Правые бескорыстны, а эти возлюбили стяжание. Лицемеры! — добавил он мысленно, — проповедь одно, а дело — другое! (10).

Герой оставляет брату большой дом и половину капитала, а сам уходит с одной иконой — «древней иконой Господа Вседержителя» (11). Он венчается и живет мирно со своей супругой, увеличивает капитал в два раза, тогда как его младший брат быстро все проживает и оказывается почти в бедности.

Но благополучной жизнь Михаила Выжигина выглядит только со стороны. Его душа жаждет духовного света, за которым он приходит к православному священнику — отцу Василию. Он просит своего нового духовного наставника: «Изведи из темницы душу мою, дай ей свету» (12). Отец Василий сначала радуется возвращению «блудного сына» в лоно православной церкви, но затем замечает, что Михаил не может обрести в ней покой. Он не находит в себе и в своем духовном чаде необходимой силы:

Отец Василий, увидев его измученное лицо, решил отложить увещание до следующего раза <...>.

Доброе у него сердце, — говорил себе старик, возвращаясь домой, — а дух слаб: как трость, колеблемая ветром (16).

В итоге герой не только возвращается к федосеевцам, но делается ярым «фанатиком», насильственно обращает в старообрядчество жену и маленького сына и умирает в тюрьме в «умоисступлении». Брат же Михаила Иван наследует остатки его состояния и «благополучно» доживает до старости (18). Федосеевцы записывают Михаила в свой мартиролог.

Что же определило окончательный выбор героя? Опочинин в рассказе показывает, какое значение для человека, живущего в состоянии эсхатологического ожидания, имеет старообрядческое чтение. Михаил, замкнувшись в своем доме, читает *лицевой Апокалипсис*, привезенный, как отмечает автор, его дедом из Шаготи⁸. Кроме того, в круг чтения героя входят синодики и «Хождение Феодоры по воздушным мытарствам»:

По временам какой-то страх овладевал им: ужасные изображения скитских синодиков и хождения по мукам Феодоры представлялись уму с поражающей живостью. Он плохо спал по ночам; тяжелые кошмары и видения преследовали его сон и не давали ему покоя (13).

Хождение Феодоры, входящее в состав *Жития Василия Нового* (X в.) — это ночное видение «мниха» (монаха) Григория, в котором ему открываются мытарства души Феодоры после смерти и частный суд Божий, который она прошла до

Страшного Суда. Чтобы представить себе, какие яркие конкретно-чувственные образы встают перед мысленным взором героя Опочинина, обратимся к фрагменту из этого произведения:

Оригинал

Прииде бо и то. И бысть видѣниемъ яко левъ рыкаа, другойцы же яко юноша суровъ и бѣсяся. Оружиа всякаа нося и мечя, серпы, и пилы, и секиры, рожны и теслы, и ины многи пристроа, имже казнить различными образы на единого когождо смерть на всѣхъ. Видѣвши убо убогаа душа мучителя того, страхомъ обиата бысть. Глаголють убо ему юноша оны: «Что стоиши? Разрѣши съуз, тихо прими, не убо много имать тяжкий грѣхъ». Пришед бо с малою секирою прикоснуся ногамъ моимъ и потом к рукама, и вся съставы моа испроверже, и исторже ми ногти. И абие убо умрыщвени руцѣ мои и нозѣ мои. Не имях ся имущи руцѣ мои и нозѣ. Аз же, чядо, от горкиа болѣзни умрыщвена быхъ. Пришед убо паки усѣче главу мою, и ктому не можяхъ двигнути главы моея, чюжи бо бяхъ. Потомъ же раствори в чяши не вѣдѣ что, вдав ми пити нуждею. И, якоже испихъ, тако бяхше горко, о чядо, якоже въздриновена бы душа нуждею страшною и отиде от тѣла. И убо уноши они краснии, отшедшей от неа, въ одеждахъ своихъ хламидныхъ приаша ю. В сердцы бо, о чядо, челоуѣку вся възлежить душа и в разумѣ духъ. Якоже бо мя примимшей они краснии, видѣхъ тѣло мое, идеже лежааше, бездушно и умрыщвено, неподвижимо и неключимо, чюдящися и дивящися, якоже нѣкто совлечется риз своих и положить на одрѣ своемъ, и той станеть, зря ихъ. И глаголах ти, о чядо, како истовѣ увѣдѣхъ аз, яко тако строатся убогому челоуѣку.

Перевод

И вот пришла она. И видом была похожа на льва ревущего и на юношу сурового и бесноватого. И принесла всякого оружия: мечи, серпы, пилы, секиры, рогатки и тесла и иного много, чтобы мучить всех по-разному. Увидев этого мучителя, бедная душа моя страхом объялась. Сказали же ему те два юноши: «Что стоишь? Освободи от уз ее, осторожно прими, ибо нет на ней тяжкого греха». И пришедший малой секирой коснулся ног, а потом и рук моих, и все суставы мои исторг, и вырвал ногти мои. И тотчас мертвы стали руки и ноги мои. И не чувствовала я рук и ног моих. Я ведь, чадо, через мучение умерщвлена была. Снова подошла смерть и отсекла голову мою, и не могла я двинуть ею, поскольку чужая стала. Потом же растворила в чаше неизвестно что и силой дала мне выпить. И когда выпила я это, горько мне стало, о чадо, и извлечена была душа страшной силой и отошла от тела. И те прекрасные юноши в своих одеждах ниспадающих приняли ее. Ведь в сердце человека, о чадо, возлежит душа, а в разуме дух. Когда же приняли они меня, увидела с удивлением тело свое лежащее, бездушное и умерщвленное, неподвижное и бесполезное, словно некто снимет одежду свою и положит на постель свою и, встав рядом, станет смотреть на это. Вот и рассказала, о чадо, что сама знаю, — такая участь ждет бедного человека [5].

Напряженные размышления Михаила о близящемся конце света рождают в его душе страх: «Страшно, Господи! Неужели милосердие Твое не избавит грешника от возмездия?..» (14). Чтение «Видения Григория» оказывается решающим для героя:

Он перевернул несколько листов назад, чтобы не видеть пугающих изображений, и в глаза ему бросились слова: «О страшной вещи спросил еси, Григорие, юже и вспомянути ужасно: зрях бо лица, их же николи не видех, и слышах глаголы, их же николи же слышах...». Михайло похолодел, эти слова как будто были ответом на его вопрос. Ему почудилось даже, словно кто-то произнес их тут, с ним рядом (14–15).

Последним испытанием для героя становится неожиданное появление в его доме старца Паисия. Последний произносит слова, обличающие епископа Удона, — в ответ на слова Михаила о том, что «церковь — место свято» (6), сказанные в начале «Братьев» на собрании староверов⁹. Явление Паисия герой воспринимает как видение:

Не сон ли это, или призрачное видение? Перед ним на пороге стоял во весь высокий рост свой страшный Паисий. Никогда нечесанные волосы его разметались; он судорожно двигал мертвенными губами, устремив горящие глубоко ушедшие в орбиты, как у мертвеца, глаза куда-то в пространство. Черная, длинная мантия его была распахнута и среди лохмотьев видны были обнаженные, трупного оттенка члены. Одна рука, словно в нестерпимой муке, царапала обнаженную волосатую грудь, другая, простертая, остановилась в воздухе (15).

Страх, который испытывает Михаил, рождает в его душе желание искупить вину страданием:

Просматривая загадочные картины последнего суда, всегда неотразимо привлекавшие его своею сверхчувственной торжественностью и тайной, Михаил глубоко задумался. Вспомнились ему лики мучеников и страстотерпцев в «Видении Григорьевом». Светом невечерним осиянные представились они его воображению. «Зане пострадаваши зде, в юдоли скорбней», — припомнилось ему из старинного помянника (14).

В «Видении Григория» святые мученики идут на Страшный Суд со «светлыми, как солнце, ликами» (28). Путь героя

Опочинина можно сравнить с судьбой Миколки-красильщика, героя романа «Преступление и наказание», признавшего в убийстве, которого не совершал, так как, подобно Михаилу Выжигину, хотел очистить свою душу страданием. К идее страдания как искупления пришел еще один герой Достоевского — Дмитрий Карамазов.

Если выстраивать типологию духовных видений, опираясь на древнерусскую словесность и иконопись [3], то в зависимости от степени активности тайнозрителя и способа приобщения его к божественному порядку, видения можно классифицировать на видения-испытания, видения-указания и видения-свидетельства. Видения-испытания побуждают тайнозрителя к духовно-нравственному выбору. Видение-указание посылается тайнозрителю для того, чтобы он осуществил волю Божию. Видение может свидетельствовать о прозорливости и святости тайнозрителя. Этот тип видения восходит к лестнице Иакова. Обличительные видения-свидетельства получают широкое распространение в «смутное время» и имеют публицистическую направленность. Они близки к эсхатологическим видениям и восходят к Откровению Иоанна Богослова.

Михаил Выжигин, воспитанный в старообрядческой среде, настроен на эсхатологические видения. Неожиданное появление старца Паисия в своем доме он воспринимает как обличительное видение-свидетельство. В свою очередь Паисий и брат Михаила, Иван Выжигин, пользуются его состоянием внутреннего разлада и страха и подталкивают героя к возвращению в свою среду для того, чтобы он материально помогал федосеевцам: после ухода Михаила из отцовского дома младший брат не мог содержать моленный дом и принимать странствующих староверов.

Е. А. Яшина отмечает, что «проблему воспроизведения многогранности и противоречивости человеческого характера, запечатленного в художественном образе, помогает раскрыть так называемый *характерологический* парадокс, нередко сопутствующий неожиданному повороту сюжета, фиксируемому, в свою очередь, *сюжетным* парадоксом» [14, 182]. В развитии сюжета рассказа как раз Опочинин использует характерологический и сюжетный парадоксы. Отказавшись от давления со стороны

старообрядцев, Михаил Выжигин должен почувствовать себя свободным человеком, но он не обретает внутренней свободы. Герой, жаждущий Истины, оказывается в заблуждении.

Опочинин показывает человека, движимого страхом Божиим, которому не хватает любви и благодати Божией. Михаил Выжигин жаждет света духовного и, чтобы обрести его, выбирает путь страдания, но при этом насильственно обрекает на страдания свою жену и маленького сына. Он не свободен в своем выборе, потому не дает свободу выбора и своим близким. В рассказе «Братья» поднимается проблема выбора человека, лишённого внутренней свободы, человека, который далек от Истины.

Рассказ можно воспринимать как ответ на размышления Опочинина над проблемой свободы выбора, поднятой К. Н. Леонтьевым в статье «Наши новые христиане». В споре К. Н. Леонтьева и Ф. М. Достоевского Опочинин оказывается на стороне Достоевского.

Е. Н. Опочинин в рассказе «Братья» создает яркий образ старообрядца, чей характер парадоксален: поднявшись на бунт против своего окружения, Михаил Выжигин думает о предстоящем Страшном Суде, но сосредоточивается на мысли о личном спасении. Он жаждет духовного света, свободы и любви, но оказывается внутренне несвободен и обманут, проявляет насилие по отношению к своим близким. Таким образом, Опочинин показывает, что страх Божий далеко не всегда может привести к любви и Истине. В основе «восстановления» человека должно быть глубокое покаяние и желание духовно изменить себя, а не только обличение окружающих. Духовное преображение — это длительный процесс, который нельзя сократить, выбирая быстрый путь.

Примечания

¹ РГАЛИ. Ф. 361. Оп. 1. Ед. хр. 6. Л. 17.

² Сегодня этот автограф Достоевского из материалов Опочинина хранится в РО ИРЛИ (Р. III. Оп. 2. № 1026. 2 л.).

³ См. о «пятницах» Я. П. Полонского: *Опочинин Е. Н. Яков Петрович Полонский и его пятницы: воспоминания / вступ. заметка, публ. и коммент. М. Одесской // Вопросы литературы. 1992. Вып. 3. С. 312–351; Леткова-Султанова Е. П. О Ф. М. Достоевском: Из воспоминаний // Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников: в 2 т. М., 1990.*

- Т. 2. С. 443–462 (об одной из «пятниц» Полонского, на которой присутствовал Ф. М. Достоевский); *Барятинский В. В.* «Пятницы Полонского» и «Пятницы Случевского»: Из серии воспоминаний «Догоревшие огни» // *Воспоминания о серебряном веке / сост., авт. предисл. и коммент. В. Крейд. М., 1993. С. 295–299.*
- ⁴ Опочинин Е. Н. Я. П. Полонский и его пятницы // *Вопросы литературы. 1992. Вып. 3. С. 318.*
- ⁵ Шубинский С. Н. Письмо к Опочинину Е. Н. // *РГАЛИ. Ф. 361. Оп. 1. Ед. хр. 18. Л. 1.*
- ⁶ Раскольники федосеевского согласия (федосеевцы) – беспоповское направление в русском старообрядчестве, основанное Феодосием Васильевым (1661–1711) и сформулировавшее учение о бытии Церкви во времена царствования духовного антихриста.
- ⁷ Опочинин Е. Н. Братья. Рассказ из быта глаголемых старообрядцев // *Свет. СПб.: Типо-литография В. В. Комарова, 1898. С. 5.* Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с указанием страницы в круглых скобках.
- ⁸ Это Старо-Андреевское село Романовского уезда, которое являлось одним из ярославских центров старообрядчества, где были самосожигатели (14).
- ⁹ Повесть об Удоне входит в «Великое Зерцало» и хорошо знакома старообрядческим начетникам. В ней идет речь о епископе Магдебургском, который за великие грехи был казнен в церкви. Тело Удона бросили в болото, но нечистая сила с этого времени не давала покоя местным жителям. Его тело извлекли из болота, сожгли и пепел бросили в реку — вся рыба покинула реку. Когда в церкви, где был казнен Удон, поставляют нового епископа, перед ним снимают ковер с мрамора, куда пролилась кровь великого грешника, чтобы это стало предостережением для нового духовного лица (см., напр.: [4, 165]).

Список литературы

1. Бочаров С. Г. Пустынный сеятель и Великий Инквизитор // Бочаров С. Г. *Филологические сюжеты.* — М.: Языки славянских культур, 2007. — С. 392–452.
2. [Верховский Ю.] *Беседы с Достоевским (Записи и припоминания Е. Н. Опочинина) / предисл. и примеч. Ю. Верховского // Звенья.* — М.; Л., 1936. — № 6. — С. 454–494.
3. Гаричева (Федорова) Е. А. Видения в иконописи и древнерусской словесности // *Духовные начала русского искусства и просвещения: Материалы XII Международной науч. конф. «Духовные начала русского искусства и просвещения» («Никитские чтения») / сост. А. В. Моторин; НовГУ им. Ярослава Мудрого.* — Великий Новгород, 2012. — С. 71–75.
4. Державина О. А. «Великое зеркало» и его судьба на русской почве. — М.: Наука, 1965. — 439 с.
5. Из «Жития Василия Нового». Хождение Феодоры по воздушным мытарствам / подгот. текста Ю. А. Грибова и А. В. Пигина, перев.

- М. Б. Михайловой и В. В. Семакова, коммент. А. В. Пигина // Библиотека литературы Древней Руси. — СПб.: Наука, 2003. — Т. 8: XIV — первая половина XVI века [Электронный ресурс]. — URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=5134> (15.05.2017)
6. Ковалева И. Ф. Е. Н. Опочинин – творческая личность «второго плана» в культуре рубежа XIX–XX вв. // Ярославский педагогический вестник. — 2015. — № 2. — С. 167–170.
  7. Леонтьев К. Н. Наши новые христиане: Ф. М. Достоевский и граф Лев Толстой: (По поводу речи Достоевского на празднике Пушкина и повести графа Толстого «Чем люди живы?»). — М.: Тип. Е. И. Погодиной, 1882. — 68 с.
  8. Овсянников С.Н. Личность писателя Е. Н. Опочинина (по мат. собр. Рыбинского музея-заповедника и иных коллекций) // XII Золотаревские чтения: матер. научн. конф. — Рыбинск, 2008. — С. 113–118.
  9. Одесская М. М. Опочинин Евгений Николаевич // Русские писатели, 1800–1917 / гл. ред. П. А. Николаев. — М., 1999. — С. 441–442.
  10. [Одесская М. М.] Русские коллекционеры и уцелевшие остатки старины: из наблюдений и воспоминаний / вступ. ст. и публ. М. Одесской // Наше наследие. — 1990. — № 4. — С. 104–115.
  11. [Одесская М. М.] Устный рассказ Ф. М. Достоевского. Из архива Е. Н. Опочинина / публ. М. Одесской // Новый мир. — 1992. — № 8. — С. 211–217.
  12. Петухова Н.А. Некоторые комментарии к рукописи Е. Н. Опочинина «Русские коллекционеры и уцелевшие остатки старины» // Опочининские чтения. — Мышкин, 1993. — Вып. 3. — С. 32–40.
  13. Федорова Е. А. Своеобразие национального характера в охотничьих рассказах Е. Н. Опочинина // Проблемы исторической поэтики. — Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2016. — Вып. 14: Анализ, интерпретации, понимание. — С. 297–310 [Электронный ресурс]. — URL: http://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1482317603.pdf
  14. Яшина Е. А. Типология парадоксов в художественном тексте // Знание. Понимание. Умение. — 2007. — № 4. — С. 181–186.

Elena A. Fedorova

*P. G. Demidov Yaroslavl State University,
The Rybinsk State History, Architecture and Art Museum-Preserve
(Yaroslavl, Rybinsk, Russian Federation)*

sole11@yandex.ru

THE PROBLEM OF CHOICE IN THE STORYLINE OF E. N. OPOCHININ'S NARRATION "BROTHERS"

Abstract. The article is dedicated to the analysis of the range of problems, tropes and literary types in E. N. Opochinin's narration "Brothers" (1898). Evgeniy Nikolaevich Opochinin (1858–1928) was a writer, archaeographer, collector, editor and employee of the newspaper "Government Printing Works", an author

of recollections and diary notes on F. M. Dostoevsky, A. N. Maikov, Ya. P. Polonsky and other his renowned contemporaries. He created various types of a Russian person in his writings, such as: an old believer, a hunter, an artist, a God's fool etc. The story "Brothers" depicts an old believer who tries to break with his ambience. Opochinin's narration reveals common tropes with Dostoevsky's novel "The Brothers Karamozov": rivalry between brothers, a revolt against relatives because of a woman, a spiritual crisis of the characters. After his protest the character of Opochinin's story Mikhail Vyzhigin comes back to his community and becomes a hardcore old believer. Comparative — typological and structure methods make it possible to discover the peculiarity of the literary type conceived by Opochinin. The same as Dmitry Karamazov and Mikola the dyer in the "Crime and Punishment" Opochinin's hero wants to wash away his guilt by suffers, he looks for spiritual light, but unlike Dostoevsky's characters, he chooses an unblest way, deprived of joy, he is driven by fear of God and not by love. Eschatological visions of the character become an instrument of revealing of the character's inner world. Moreover, the writer uses a characterological and narrative antinome. Mikhail Vyzhigin wants to obtain the Truth turns to be deceived by his acquaintances.

Keywords: E. N. Opochinin, "Brothers", F. M. Dostoevsky, plot, motif, antinome, literary type, Eschatological visions, "Theodore's Walking Through Airy Ordeals"

References

1. Bocharov S. G. A Desert Seeder and The Great Inquisitor. In: *Bocharov S. G. Filologicheskie syuzhety [Bocharov S. G. Philological Subjects]*. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 2007, pp. 392–452. (In Russ.)
2. Verkhovskiy Yu. Opochinin E. N. Conversations with Dostoevsky (Notes and Recollections). In: *Zven'ya [Links]*. Moscow, Leningrad, ACADEMIA Publ., 1936, no. 6, pp. 454–494. (In Russ.)
3. Garicheva (Fedorova) E. A. Visions in Iconography and Old Russian Literature. In: *Dukhovnye nachala russkogo iskusstva i prosveshcheniya: Materialy XII Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii «Dukhovnye nachala russkogo iskusstva i prosveshcheniya» («Nikitskie chteniya»)* [*Spiritual Origins of Russian Art and Education: Proceedings of the 12th International Scientific Conference "Spiritual Origins of Russian Art and Education"* ("Nikitskie Readings")]. Novgorod the Great, 2012, pp. 71–75. (In Russ.)
4. Derzhavina O. A. «Velikoe zertsalo» i ego sud'ba na russkoy pochve ["The Great Mirror" and Its Destiny on Russian Soil]. Moscow, Nauka Publ., 1965. 439 p. (In Russ.)
5. From "The Life of Basil the Younger". Theodore's Walking Through Airy Ordeals. In: *Biblioteka Literaturny Drevney Rusi [The Library of Ancient Russian Literature]*. St. Petersburg, Nauka Publ., 2003, vol. 8: The 14th — First Half of the 16th Century. Available at: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=5134> (accessed 15 May 2017). (In Russ.)
6. Kovaleva I. F. E. N. Opochinin as a Secondary Artist in the Culture of the 19th — 20th Centuries. In: *Yaroslavskiy pedagogicheskiy vestnik [Yaroslavl Pedagogical Bulletin]*, 2015, no. 2, vol. 1, pp. 166—170. (In Russ.)

7. Leont'ev K. N. *Nashi novye khristiane: F. M. Dostoevskiy i graf Lev Tolstoy: (Po povodu rechi Dostoevskogo na prazdnike Pushkina i povesti grafa Tolstogo «Chem lyudi zhivy?»)* [Our New Christians: F. M. Dostoevsky and Count Leo Tolstoy: (About the Speech of Dostoevsky at the Pushkin's Celebration and the Story of Count Tolstoy "What Men Live By?"). Moscow, Tipografiya E. I. Pogodinoy Publ., 1882. 68 p. (In Russ.)
8. Ovsyannikov S. N. The Personality of Writer E. N. Opochinin (Based on Materials of the Collection of Rybinsk Museum-Preserve and of Other Collections). In: *XII Zolotarevskie chteniya: materialy nauchnoy konferentsii* [Zolotaryov Readings: Materials of the 12th Scientific Conference]. Rybinsk, 2008, pp. 113–118. (In Russ.)
9. Odesskaya M. M. Opochinin Evgeny N. In: *Russkie pisateli. 1800–1917. Biograficheskii slovar'* [Russian Writers. 1800–1917. Biographical Dictionary]. Moscow, Bol'shaya Rossiyskaya entsiklopediya Publ., 1999, pp. 441–442. (In Russ.)
10. Odesskaya M. M. Opochinin E. N. Russian Collectors and the Surviving Monuments of the Past. Observations and Recollections. In: *Nashe nasledie*, 1990, no. 4, pp. 104–115. (In Russ.)
11. Odesskaya M. M. An Oral Story of F. M. Dostoevsky. From the Archive of E. N. Opochinin. In: *Novyy mir*, 1992, no. 8, pp. 211–217. (In Russ.)
12. Petukhova N. A. Some Comments on the Manuscript of E. N. Opochinin "Russian Collectors and the Surviving Monuments of the Past". In: *Opochininskie chteniya* [Opochinin's Readings]. Myshkin, 1993, issue 3, pp. 32–40. (In Russ.)
13. Fedorova E. A. Svoeobrazie natsional'nogo kharaktera v okhotnich'ikh rasskazakh E. N. Opochinina [Peculiarity of National Character in Hunter's Stories by Evgeny Opochinin]. In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [The Problems of Historical Poetics]. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 2016. Vol. 14: Analysis, Interpretations, Understanding, pp. 297–310. Available at: http://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1482317603.pdf (In Russ.)
14. Yashina E. A. Typology of Paradoxes in the Literary Text. In: *Znanie. Ponimanie. Umenie*, 2007, no. 4, pp. 181–186. (In Russ.)